

— Ты предпочитаешь умереть от голода, лишь бы я не убил его? — Его голос прозвучал как вздох, устало разливаясь в тишине комнаты. — Даже если он предал тебя и хочет отнять у тебя жизнь?

— Да... Даже если он предал меня и хочет отнять у меня жизнь, — медленно, с расстановкой произнес Цзюнь Улэй, его взгляд горел искренностью, не оставляя места для лжи. — Я ни о чём не жалею. Не хочу предавать свою совесть.

Цзюнь Улэй повернул голову и протянул руку, чтобы коснуться его руки. Из-за долгого отсутствия еды и воды его тело ослабло, и даже пальцы не могли сжаться крепко:

— Если я не смогу быть с тобой, то даже если проживу тысячу лет, буду лишь живым трупом... Но если я смогу быть с тобой каждый день, то даже если умру завтра, чего мне бояться? Смерть меня не пугает.

Ощувив, как Мин Юй сжимает его руку, холодную, как и его собственную, и слегка дрожит, Цзюнь Улэй услышал его долгий вздох, полный усталой покорности. Голос Мин Юя был тихим, как шёпот:

— На этот раз ты победил...

В ушах Цзюнь Улэя зазвучал звон, слова казались далёкими. Он хотел спросить, но слова застряли в горле. Он изо всех сил старался держаться, но после долгого разговора его разум был уже в тумане. Внезапно он вспомнил о пари, заключённом три года назад, и его сердце дрогнуло. В темноте его глаза широко раскрылись, а уголки губ невольно поднялись.

Он знал, что этот мужчина снял с себя все защиты... и искренне полюбил его.

Теплота мгновенно охватила его губы, не оставляя ни малейшего зазора.

— Я не позволю тебе умереть.

Затем перед глазами всё завертелось, и он оказался на руках Мин Юя, завернутый в одеяло с головы до ног. Их путь лежал в Халцедоновый дворец...

Спустя несколько дней все мятежники, замышлявшие заговор, были казнены. Верховный жрец Чжу Шоу, замешанный в делах своих подчинённых, был сослан на границу Царства демонов, в пустыню на севере, с приказом никогда не возвращаться в Город Десяти Тысяч Демонов, под страхом смерти. Отъезд был назначен на тот же день.

Когда всё улеглось, наступила середина лета.

Кваканье лягушек под забором, ночной дождь стучит по оконным рамам.

Кваканье, смешиваясь с каплями дождя, звучало то выше, то ниже, проникая в самое сердце. Цзюнь Улэй стоял у окна, несмотря на душную погоду, он был одет в тяжёлую ватную одежду, что делало его фигуру несколько громоздкой.

Слушая мелодию дождя, он играл с чашкой с лекарством. Теплота от стенок чашки передавалась его пальцам, разгоняя холод под кожей.

Выпив всю чёрную жидкость до дна, он взял белую фарфоровую чашку с чаем, сделал глоток, чтобы прополоскать рот, и опустил взгляд на свою руку, держащую чашку. Ногти были серовато-белыми, уже начиная темнеть, и он невольно усмехнулся.

Этим утром, умываясь, он посмотрел в бронзовое зеркало. Лицо в зеркале было бледным, чёрные волосы рассыпались на груди, скулы выделялись из-за худобы. Не прошло и месяца, как он перестал принимать лекарства, и он словно сдулся, потеряв двадцать-тридцать цзиней.

Иногда он думал, что лучше бы продолжал пить лекарства, прописанные Чжу Шоу. По крайней мере, аппетит был отменный, а сейчас даже мысль о еде вызывала тошноту и слабость, будто он вдруг стал врагом всех вкусов мира. Единственное, что давало ощущение сытости, — это приём лекарств.

С тех пор, как Цзюнь Улэй потерял сознание от теплового удара в беседке на заднем дворе и пролежал в коме пять дней, он постоянно чувствовал себя уставшим. Хотя Мин Юй ничего не говорил, он понимал, что его состояние ухудшается. Несмотря на отсутствие других неприятных ощущений, он постоянно чувствовал слабость, аппетит уменьшился. Раньше он мог съесть две-три миски риса, а теперь даже один кусочек казался слишком большим.

В тот день Мин Юй сидел у его кровати, обняв его вместе с одеялом, и с улыбкой сказал:

— Хочешь отправиться в мир людей? В юности я несколько лет жил в маленьком городке Цзяннаня, там красивые горы и реки. Я хочу показать тебе это.

Шестого числа шестого месяца ивы были окутаны дымкой, вода и небо сливались.

Они сели на лодку и, проплыв несколько дней по реке Хуай, сошли на берег в старинном городке, где сняли небольшой дом у реки. Двор был нешироким, но уютным и тихим, зелёная река извивалась у подножия древней городской стены. Открывая двери и окна, можно было почувствовать влажный аромат земли.

С этого момента в этом светлом мире этот дом стал их личным уголком, местом, куда никто другой не мог ступить.

Вечером Мин Юй, как обычно, зашёл в комнату, чтобы поужинать с ним. Помыв руки, он сам налил ему миску ароматного куриного бульона. Цзюнь Улэй смотрел на белую фарфоровую миску перед ним. Золотистый бульон выглядел совсем не жирным, и он знал, сколько усилий

потребовалось, чтобы приготовить его.

На самом деле ни он, ни Мин Юй не умели ухаживать за другими и не знали, как вести домашнее хозяйство, поэтому они наняли глухого старика, чтобы тот помогал стирать и убирать. Каждое утро он разжигал печь и грел воду для их утреннего омовения. Но старик не умел готовить, поэтому Мин Юй взял на себя обязанность готовить три раза в день, от полного неумения до нескольких блюд, которые он теперь мастерски готовил, благодаря ежедневному времяпрепровождению на кухне.

Цзюнь Улэй помешал бульон ложкой. На поверхности золотистой жидкости плавали несколько зелёных листьев кинзы, выглядело красиво, но аппетита это не вызывало. Мин Юй, держа миску, тожепил немного, его взгляд, полный заботы, заставлял Цзюнь Улэя чувствовать себя неловко. Он зачерпнул ложку бульона и с трудом сделал глоток, но не смог проглотить, держа его во рту, пока в конце концов не выплюнул.

Полежав некоторое время, склонившись над столом, Цзюнь Улэй взял платок, который протянул ему Мин Юй, вытер губы и, обернувшись к мужчине с нахмуренным лицом, слабо улыбнулся:

— Может, ты снова закроешь мои точки, как в прошлый раз? Тогда я смогу глотать медленно, и меня не будет тошнить.

Мин Юй выжал полотенце, вытер его руки и снова усадил его, разогрев ладони и мягко массируя его живот, успокаивая:

— Метод закрытия точек для остановки рвоты нельзя использовать часто. Твой желудок слаб и не выдерживает раздражения. Хотя это помогает на время, но позже тебе будет хуже, ты будешь рвать до потери сознания, это слишком вредно для тела.

Массаж Мин Юя был искусным, он двигался вдоль меридианов и точек, и вскоре Цзюнь Улэй почувствовал, как в желудке стало тепло и комфортно, и даже появился небольшой аппетит. С улыбкой слушая, как Мин Юй рассказывает о слухах, услышанных на рынке, он смог выпить почти полмиски бульона с рисом и съел несколько кусочков бамбуковых побегов.

Мин Юй, видя, что его больше не тошнит, обрадовался, взял палочки и доел оставшиеся блюда, убрал посуду и приготовил постель.

Погасив свет, они устроились в постели, тихо разговаривая. Мин Юй обнял его и, как ребёнка, мягко похлопывал по спине. Закончив разговор, Цзюнь Улэй зевнул, но не хотел засыпать, только терся о шею Мин Юя, как беспокойный котёнок.

Мин Юй понимал, что тело Цзюнь Улэя было измотано, но он всегда дотягивал до полуночи, не желая засыпать, потому что с каждым пробуждением его силы уменьшались, и это беспокоило его, заставляя бояться и не хотеть спать.

Терпеливо пересказав историю, которую только что рассказывал, но с другим главным героем, он наконец услышал ровное дыхание. Мин Юй наклонился и увидел, что Цзюнь Улэй крепко спит у него на груди. Его сердце смягчилось, и он нежно поцеловал его в лоб.

— Помни, ты мой. Никогда не говори о смерти, пока я жив, даже не думай. Улэй, этот мир огромен, но кроме тебя, у меня ничего нет.

Мин Юй смотрел на его спящее лицо с мягкой нежностью, словно хотел запомнить его образ навсегда...

Дни текли тихо, как вода, с каждым восходом и закатом солнца.

Время не подчиняется желаниям. Когда хочешь, чтобы оно шло медленнее, оно ускользает сквозь пальцы, безжалостно и холодно, не оставляя шанса удержать его. И вот уже наступила ранняя осень.

<http://bllate.org/book/15278/1348716>